

№366 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Христос – конец Закона!

Ианнуарий Ивлиев

Люди – даже из далеких от Церкви – слыша такие слова как «Евангелие Христово», «проповедь апостола Павла», представляют себе что-то «божественное», возвышенное, высоконравственное, святое, праведное и благочестивое. Это – результат двухтысячелетнего влияния христианства на культуру, даже если она имеет к христианству косвенное отношение, или вообще никакого – просто привычка, общее место. И мало кому в голову приходит, что Евангелие, которое возвещал апостол, в его окружении и в его время воспринималось как соблазн, обман или безумие (1 Кор 1,23).

Мы по привычке не даём себе труда задуматься над тем, насколько противоречит Евангелие тому, что есть в мире, тому, что мы знаем о нашем мире. А в мире действуют законы, известные нам со школьной скамьи. Это законы физики, по которым действие равно противодействию. Это законы биологии, по которым выживает сильнейший или самый приспособленный. Это законы этики и здравого смысла: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Что посеешь, то и пожнёшь»...

Подобные законы действовали и в религиозной жизни людей, которые тысячелетиями были убеждены в том, что для получения земных и посмертных благ человек должен совершать определенные действия, угодные богам, которые в язычестве олицетворяли природу с её законами. Но даже при более развитых библейских представлениях о Едином Боге и Творце религиозная жизнь ветхозаветного иудейства руководствовалась аналогичными представлениями. Отечественные предания, о которых пишет апостол Павел, составляли многочисленные толкования Закона Моисея и точно указывали, какие действия необходимо исполнять для получения заслуженной награды от Бога.

И вот появляется некто, провозглашающий конец Закона! «Конец Закона – Христос» (Рим 10,4), – возвещает Апостол Павел, для которого ещё вчера такая мысль была невообразимой. Это, по сути, и есть Евангелие свободы, объявляющее о том, что отныне люди – не наёмные работники у Бога, Который расплачивается с ними за проделанную тяжёлую работу, но свободные сыны Божии и наследники неистощимых Божественных благ.

Нам трудно себе представить, какой смелостью должен был обладать человек, дерзнувший утверждать новые основы духовной жизни, шедшие вразрез со всей исторической практикой человечества. Естественно, проповедь апостола Павла вызвала недоумение и сопротивление. И мы знаем, чем закончилось это сопротивление мира для самого апостола – его мученической кончиной.

Евангелие, освобождающее от Закона! Спасение не преуспеянием в исполнении Моисеевых предпи-

саний, не ревностью об отеческих преданиях, не заслугами, но благодатью Божией и верой в Иисуса Христа! Апостола Павла упрекали в том, что он этим учением о спасении подрывает основы религии и нравственности, и делает он это из желания людям угодить, понравиться, подольститься к ним. Нет, – отвечает на упреки апостол, – желание нравиться миру и возвещать Евангелие Христово – вещи несовместимые. Евангелие – не слово лести (1Фесс 2,4), и одобрение мира может стать тревожным сигналом и для христианской проповеди, и для Церкви. Невозможно одновременно поддакивать людям и быть служителем Христовым. Нет, Евангелие не имеет ничего общего с подобными человеческими расчётами на лёгкий успех и популярность. Оно чуждо человеческих мерок, но есть нечто абсолютно новое, прорывающее все масштабы земного.

Эта весть о высшем благе открылась Павлу при встрече с Воскресшим, явление Которого озарило всю его личность светом знания о том, что с Крестом и Воскресением Сына Божия в мир вошло то, что превыше всех законов физики, биологии и так называемой «естественной нравственности». В мире открылась любовь Творца к Его созданию. Откровение Христа было для апостола Павла одновременно и откровением Евангелия, которое возвещало не мнимое спасение религиозными ритуалами, но истинное спасение Законом Божественной любви. В Евангелии Христовом ему открылась последняя истина, состоявшая в том, что Христос – это начало конца старого и привычного мира с его ветхими законами и историей. Законы поработают – любовь освобождает!

Но ветхий мир греха иначе, как по своим «законам греха», (Рим 7,23.25) существовать не может. Разумеется, он сопротивлялся и будет всегда сопротивляться Евангелию, принимая форму либо прямой враждебности и насилия, либо лицемерного согласия, либо попыток превратить Евангелие любви в некий новый, – а по сути ветхий, – закон долга.

Однако попытки эти тщетны, ибо Евангелие Христово – не вымысел человеческий, но Благая Весть о Божественной «победе, победившей мир» (1 Ин 5,4).

Блаженны плачущие!

Блаженны плачущие – новый вызов, очередная перчатка, которую бросает Иисус слушателям, да и нам тоже. Во-первых, как могут быть блаженными плачущие? Ну, разве что от радости. Но вряд ли Христос имел в виду слёзы от неожиданно накатившего счастья – миллион Федя, вдруг, выиграл, и его тёща в тот же день скоростно скончалась. Всё-таки, речь, по всей видимости, идёт о слезах скорби. И это никаким боком не лепится к нашему повседневному опыту. Если человек плачет – наверняка ему плохо, и о каком блаженстве тогда речь?

Во-вторых, рыдать, это не очень красиво даже женщине, а плачущий мужчина – это, собственно, уже и не мужчина, а так – размазня. Настоящие мужчины не плачут – им воевать надо – стрелять в противника, не моргнув глазом. Представьте себе сентиментального разведчика, который в стане врага готов прослезиться сочувствием к ближнему. Сентиментальная женщина – ну это куда ни шло, а мужчина – кому он нужен, даже в мирное время – тут нужно быка завалить, овечке горло перерезать, а он расплакался – коровку жалко. Ну кому нужен мужик, который даже курице голову отрубить не может. Плачущий мужчина – это позор, посмешище, и если Петя по природе оказался сентиментальным, то он свою сердечную чув-

ствительность засунет себе куда-нибудь поглубже - спрячет, а то и вытравит её, как зубные нервы удаляются, загрубит своё сердце, вырастит на нём корку, сделает его подобно камню, чтоб было непробиваемым, неранимым.

Оно, конечно, хорошо, когда ты защищён – в доспехах. Но эта же защита и мешает – рыцарь в панцире тяжел, неповоротлив и нечувствителен. Представьте, как ему обнять женщину, не говоря уже о большем.

Безусловно, мужчины и от природы менее сентиментальны, но в ещё большей степени сыграла роль историческая культура – во все века поощрялась жёсткость мужского начала, беспощадность к врагу, а как результат – и безжалостность вообще. Мужская бесчувственность в веках воспета народом. Выбросить свою невесту-княжну за борт в набежавшую волну – вот где настоящее мужество.

Женщины тоже разные, встречаются очень жестокие, но в общей массе всё же они гораздо человечнее, чем противоположный пол – более чуткие. Поэтому и более ранимые – одно без другого не бывает. Одно дело музыканту-слушачу находиться в оглушительно грохочущем заводском цехе, и совсем другое – человеку глухому: последний вообще не будет испытывать дискомфорт от зашкаливающих децибелов. Но глухой не слышит и человеческой речи, тем более шёпота.

Вот в храме – оглянитесь вокруг – практически за любым Богослужением большинство женщин. Почему? Да потому же. Женщины слышат то, чего не слышат мужчины, и чувствуют то, что бронированное мужское сердце не воспринимает – легчайшее дуновение Благодати Духа Святого...

Ещё нужно сказать, что плачь сильно скомпрометирован человеческим эгоизмом. Почему нам в известной мере противно представлять себе людей плачущих? Потому, что абсолютное большинство – льют либо «крокодилы» слёзы, либо рыдают из жалости к самим себе – даже на похоронах. А бывает и того хуже – скорбят о благополучии ближних своих. Как же так?! Я, такой хороший, вокруг все плохие, а живут лучше меня! И любят их почему-то больше – как тут не взвыть?! Но нет на свете, наверное, ничего отвратительнее, чем искривлённое, перекошенное лицо плачущего завистника.

Свои «5 копеек» прибавляет ещё и, как бы так сказать, сентиментальный мазохизм. Есть немалая категория людей, которые наловчились извлекать удовольствие от моральных страданий. Хлебом их не корми – дай побыть в роли жертвы, или, на худой случай, **поотираться** между теми, кому действительно плохо. Если не в жизни, то хотя бы в кино. Так и говорили прямым текстом – своими ушами слышал – «пошла посмотреть индийский фильм – поплакать хочется». Или – «такой хороший фильм, такой хороший – я так плакала!»

Понимаете, в чем тут дело? На самом деле здесь тончайшая грань между человечностью, чувствительностью к чужой беде и моральному мазохизму – грань эта не всегда очевидна. Внешне не всегда легко различить, но по сути – это совсем разные вещи. Одно дело разделить страдания человека, стать рядом с ним, подставить плечо в несении им тяжкого бремени, и совсем другое – извлекать удовольствие от собственного умиления, наблюдая за страждущим.

Я не уверен, что эта мысль окажется всем понятной, потому как, скорее всего, далеко не каждый обращал внимание на сие не очень приметное психологическое явление, когда собственную

боль люди умудряются превратить в услугу. Явление-то парадоксальное. О нём упоминал Фёдор Михайлович Достоевский в 4-й главе «Записок из подполья».

«Даже в зубной боли, – пишет Достоевский, – есть наслаждение. **Стонут**, когда больно; но стоны эти *не всегда* откровенные, бывает с ехидством, а в ехидстве-то и вся штука. В этих-то столах и выражается наслаждение страдающего; **не ощущал** бы он в них наслаждения – он бы и стонать не стал.

Я вас прошу, господа, – продолжает Федор Михайлович, – прислушайтесь когда-нибудь к столам образованного человека девятнадцатого столетия, страдающего зубами, этак, на второй или на третий день болезни, когда он начинает уже не так стонать, как в первый день стонал, то есть не просто оттого, что зубы болят; не так, как какой-нибудь грубый мужик, а так, как человек тронутый развитием и европейской цивилизацией стонет... Стоны его становятся какие-то скверные, пакостно-злые и продолжают по целым дням и ночам. И ведь знает сам, что никакой себе пользы не принесёт столами; лучше всех знает, что он только напрасно себя и других надрыгает и раздражает; знает, что даже и публика, перед которой он старается, и всё семейство его уже прислушались к нему с омерзением – не верят ему ни на грош и понимают про себя, что он мог бы иначе, проще стонать, без рулада и без вывертов, а что он только так со злости, с ехидства балуется. Ну так вот в этих-то всех сознаниях... и заключается сладострастие. «Дескать, я вас беспокою, сердце вам надрываю, всем в доме спать не даю. Так вот не спите же, чувствуйте же и вы каждую минуту, что у меня зубы болят...»»

Итак, плач плачу – рознь. Своей заповедью «Блаженны плачущие» Господь призывает нас не стонать злостно, и не выть от досады. Не плаксами и нытиками слыть. А быть чуткими к чужой боли, сердечными – не просто умом понимать – теоретически, так сказать, а действительно сочувствовать, сострадать страждущим, быть человечными, небезразличными, любящими, близко принимающими чужую беду к сердцу – с плачущими плакать, как говорил апостол Павел, а с радующимися радоваться.

И таковым, в качестве награды, Господь обещает утешение. Конечно же, не в узком смысле этого слова – дескать, плакал, а потом перестал. Утешение – это празднество, пир горой, вино рекой. Типикон – книга такая – церковный устав с указаниями, когда и как должно проводить Богослужения, – и там обычно по праздникам предписывается «на трапезе монашеской братии **утешение** велие», т.е., до 3-х красовуль вина. «Красовуля» – это чаша такая, четверть или поллитровая.

Здесь, конечно, не стоит делать далеко идущие филологические выводы – идентифицировать старорусское «утешение» и греческое «ι τεχνουνητες». Но по глубинной сути это примерно так. Человек, который воспитал свою душу в чуткости, в Царстве Божьем, сможет и Бога «почувствовать», если так можно выразиться, и поистине насладиться высочайшей степенью блаженства. Радостью общения с Господом, с миром ангельским и со всеми праведниками.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным